

О колониальных предпосылках федерализма в Нигерии

Андрей А. Захаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zakharov.aa@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются элементы федеративной государственности, которые в начале 1960-х гг. достались обретающей независимость Нигерии от уходящих британских колонизаторов. Из предпринятого автором анализа следует, что это наследие было двойственным. С одной стороны, благодаря разработанной и внедренной бывшей метрополией федеративной схеме до сегодняшнего дня удается сохранять целостность некогда условного социально-политического пространства, ныне называемого Нигерией; с другой стороны, созданная Лондоном федерация оказалась национально-территориальной, т. е. изначально обремененной множеством врожденных пороков и потенциальных рисков. Наделив каждую из трех доминирующих в Нигерии этнических групп – хауса-фулани, йоруба и игбо – собственным субъектом федерации в лице Северного, Западного и Восточного регионов и тем самым сплавив воедино этнос и территорию, бывшая метрополия встроила в основания возводимого федеративного здания предпосылки для мощного этнического конфликта. После предоставления независимости, состоявшегося в 1960 г., этот конфликт вырвался на поверхность; он дестабилизировал Нигерию на протяжении всего существования Первой республики 1960–1966 гг., едва не разрушив федерацию, спровоцировав сецессию Биафры и последовавшую за ней кровопролитную гражданскую войну. В полной мере последствия британского федеративного эксперимента Нигерии не удалось преодолеть до сих пор – именно поэтому их изучение представляется важным.

Ключевые слова: Нигерия, федерализм, колониальное правление, хауса-фулани, йоруба, игбо, этническая федерация

Для цитирования: Захаров А.А. О колониальных предпосылках федерализма в Нигерии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 80–94. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-80-94

On colonial prerequisites of federalism in Nigeria

Andrei A. Zakharov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zakharov.aa@rggu.ru*

Abstract. The article considers those elements of federal statehood that in the early 1960s went to the newly independent Nigeria from the outgoing British colonialists. It follows from the analysis undertaken by the author that this legacy was twofold. On the one hand, thanks to the federal scheme developed and implemented by the ex-metropolis, it is still possible to maintain the integrity of the once conditional socio-political space, now called Nigeria; on the other hand, the federation created by London turned out to be national-territorial, that is, initially burdened with a lot of congenital defects and potential risks. By endowing each of the three dominant ethnic groups in Nigeria – Hausa-Fulani, Yoruba, and Igbo – with their own federating entity in the face of the Northern, Western and Eastern regions and thereby fusing together the ethnos and territory, the former metropolis built into the foundations of the federal building being built prerequisites for a powerful ethnic conflict. After independence, which took place in 1960, this conflict broke to the surface; it destabilized Nigeria throughout the existence of the First Republic of 1960–1966, almost destroying the federation, provoking the secession of Biafra and the bloody civil war that followed. To the full extent, the consequences of the British federal experiment of Nigeria have not been overcome so far; that is why their study is important.

Keywords: Nigeria, federalism, colonial rule, Hausa-Fulani, Yoruba, Igbo, ethnic federation

For citation: Zakharov, A.A. (2023), “On colonial prerequisites of federalism in Nigeria”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 80–94, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-3-80-94

Почти во всех ситуациях, в которых африканские политики запускали федеративные проекты, ключевым мотивом выступало именно предотвращение или, как минимум, приглушение межэтнического конфликта. Привлечение федеративной модели для обустройства молодых государств, возникавших по мере деколонизации, во всем мире мотивировалось прежде всего этим фактором, но в Африке его значение оказывалось особенно выдающимся. Мнение известного нигерийского политика 1960–1970-х гг., согласно которому единственно приемлемой для специфических условий Нигерии является федеральная конституция, поскольку

Нигерия – многоязычное и многонациональное государство [Аво-лово 1968], в полной мере применимо и ко многим другим федеративным начинаниям постколониальной поры.

Основы федеративной государственности в этой стране, как известно, были заложены еще англичанами, причем, занимаясь этим делом, они не могли не учитывать выраженные особенности переустраиваемого владения [Babalola 2019, pp. 40–43]. Территория, занимаемая Нигерией на современной карте мира, на протяжении своей истории не отличалась политической целостностью: в доколониальную эпоху она, как и многие другие области Африки, являла собой пестрый набор самостоятельных царств, халифатов, вожеств, империй, городов-государств [История Нигерии 1981; Falola, Heaton 2008]. Несмотря на интенсивные экономические связи, большинство из них развивалось практически независимо друг от друга. Все эти образования не только отличались выраженной самобытностью, но и неустанно враждовали между собой: например, доминировавшая в XIX в. на нигерийском севере обширная империя фулани – халифат Сокото [Johnston 1967; Falola, Heaton 2008, pp. 62–73] – неоднократно покушалась на соседние земли, и лишь густые леса юга и запада, в которых мусульманская кавалерия не могла развернуться в полной мере, спасали от ее экспансии маломощные, хотя и более древние конгломераты, созданные йоруба, бини и другими народами. Основой для консолидации богатства и власти во многих местных государствах, причем не только северных, служила работорговля, в которую они были широко вовлечены на протяжении XVI–XVIII вв.

После того как Берлинская конференция 1884–1885 гг. подтвердила заинтересованность Великобритании в освоении побережья Гвинейского залива, Лондон, используя торговую Королевскую компанию Нигера, приступил к методичному освоению сначала прибрежной зоны, а потом и глубинных районов будущей Нигерии. Как и в других частях планеты, подвергшихся британской колонизации, процесс сопровождался инспирируемым англичанами слиянием мелких политических образований и втягиванием их властителей в «договорные отношения» с британской короной; коммерсанты Королевской компании Нигера имели право заниматься подобными вещами, поскольку в 1886 г. получили от королевы Виктории разрешение представлять ее интересы в общении с туземцами. По словам нигерийского ученого, «капитаны британских судов, ходивших у побережья современной Нигерии, имели в карманах типовые копии так называемых “договоров о протекции”, предлагаемых ими властителям и вождям племенных сообществ, с которыми они вступали в контакт». Как и следовало ожидать, позже представители постколо-

ниальных элит объявили эти договоры «документами сомнительной силы» [Natufe 2015, pp. 98–99].

Центростремительные тенденции окончательно взяли верх после того, как в 1900 г. коронная администрация сменила коммерческую структуру в роли политического покровителя южной и северной частей того пространства, которое позже будет названо «Нигерией»: в результате появились Южный и Северный протектораты. Показательно, что до той поры никакого обобщающего названия для этих земель вообще не существовало; изобретателем инновационного географического термина выступила журналистка Флора Шоу, впервые использовавшая его в публикации в “The Times” в начале 1897 г. [Hill 2012, p. 128]. К тому моменту Королевская компания Нигера уже давно критиковалась за насаждение торговой монополии, в 1889–1891 гг. ее злоупотребления расследовались в парламенте, в 1894 г. одно из разоренных ее речных племен разгромило ее штаб-квартиру в городе Акасса, убив (и съев) нескольких европейцев, а в 1899 г. она лишилась королевской хартии. Как справедливо отмечает историк Нил Фергюсон, «трансформация торговой монополии в протекторат была типичной для “драки за Африку”»: этот процесс повторялся на континенте многократно [Ferguson 2004, p. 327].

В 1903 г., подчинив северный халифат Сокото, англичане завершили территориальное оформление своего очередного африканского приобретения. В 1914 г. обе административные единицы, северная и южная, а также основанная еще в 1861 г. колония Лагос (в 1906 г. ее включили в состав Южного протектората) были объединены колонизаторами в одно политическое образование. Как и предписывалось британскими обычными, в первую очередь Вестминстер санкционировал создание в нем местной ассамблеи, состоявшей из 30 европейцев и шести нигерийцев. И хотя эта институция, не обладавшая ни законодательными, ни исполнительными функциями, оставалась чисто совещательным органом, ее расовый состав наперед предопределял ту манеру, в какой суждено было выковываться нигерийскому федерализму: его несущие конструкции монтировались практически без участия африканцев.

Это была далеко не единственная оставленная англичанами «родовая травма», с которой позже пришлось разбираться властям и народам независимой Нигерии. Еще более фундаментальной из доставшихся им прорех новоявленного политического дизайна была нарочитая искусственность свежего объединения. «Границы, прочерченные в ходе создания современной Нигерии, никогда не имели ни малейшего геофизического или социального смысла для

народов, населявших регион, – отмечают историки. – Очертания Нигерии на современных картах относительно произвольны, поскольку они кроились волей европейских политиков, а не социальной эволюцией локальных сообществ» [Falola, Heaton 2008, p. 17]. Англичане, как не раз подчеркивали местные ученые, вовсе не ставили своей целью создание сплоченного нигерийского сообщества: приоритетными были интересы британской казны, которая хотела избавиться от необходимости финансировать управленческие структуры отсталого и аграрного Севера, переложив это бремя на более передовой и торговый Юг [Kalu 2008, p. 37]. Безусловные удобства администрирования, однако, не компенсировали глубочайшей разнородности двух частей «склеенной» Лондоном колонии, каждая из которых сохраняла выраженную самобытность. Это было вполне объяснимо, поскольку «в доколониальном прошлом территории будущего союзного государства не имели опыта пребывания в составе единого государственно-политического образования и развивались как полностью самостоятельные, изолированные в этническом и культурно-религиозном отношении регионы с собственными традициями и институтами, нормами хозяйственной деятельности» [Каменская 1998, с. 73].

Разумеется, этот факт сказывался и на установках местных политиков. Вполне показательной, в частности, можно считать следующую сентенцию, прозвучавшую из уст одного из депутатов колониальной легислатуры в ходе парламентской сессии 1948 г.: «Многие обманывают себя, считая Нигерию чем-то нераздельным. Но эта целостность искусственна, она заканчивается прямо за дверьми нашей палаты. Южные племена, пытающиеся обосноваться на Севере, не смешиваются с местными народностями, а мы, северяне, видим в них захватчиков. Нигерийское единство есть лишь благое пожелание британцев» [Osadolor 2018, p. 35]. Подобные позиции разделялись и теми деятелями, кто непосредственно обеспечивал переход к независимости. Как говорил в 1952 г. Абубакар Тафава Балева, видный политик-северянин, спустя пять лет назначенный первым премьер-министром колонии, а еще через три года ставший главой правительства независимой Нигерии, «с самого слияния 1914 г. британское правительство пыталось превратить Нигерию в единую страну, но нигерийский народ разнороден во всем, включая религию, привычки, язык, устремления. ...Мы, северяне, считаем, что все это “нигерийское единство” не для нас» [Natufe 2015, pp. 99–100]. Кстати, на северных территориях накануне независимости бытовало мнение, согласно которому политическое единство двух разнородных кусков страны можно будет гарантировать только посредством обращения все нигерийцев в ислам – и это также не

укрепляло ощущение национальной общности, поскольку в стране было немало христиан и анимистов. Наконец, к сказанному можно добавить, что под великим разломом по линии «Север – Юг» таились другие разломы, дробящие и раскалывающие, в свою очередь, оба больших сегмента.

Еще одна проблема была связана с тем, что, управляя непохожими друг на друга регионами, европейские чиновники применяли к ним разные подходы. На мусульманском Севере, где еще до прихода белого человека успели сформироваться сложные административные механизмы, преобладали такие методы косвенного управления, которые предусматривали самые широкие prerogatives местных владык. В этом плане приход колонизаторов сказался на здешних иерархических пирамидах не слишком существенно – в них просто менялось верховное начальство: «если раньше эмиры Северной Нигерии получали власть из рук султана Сокото, то теперь они наделялись аналогичной властью английской администрацией» [Falola, Heaton 2008, p. 115]. Из-за этого мусульманские эмираты хауса-фулани британцами не только не разрушались, но сохранялись в неприкосновенности и даже поддерживались. Так, первый губернатор колонии Фредерик Лугард и его преемники долгое время строго ограничивали доступ христианских миссионеров в исламские регионы Севера; и, хотя в результате обитатели Северной Нигерии лишались доступа к европейскому образованию, здешние эмиры были очень довольны. Что же касается мигрантов-южан, перебивавшихся на Север, то им приходилось существовать в условиях сегрегации, проживая обособлено от мусульман и обучая своих детей в отдельных школах; кроме того, им не позволялось приобретать землю и владеть ею.

На христианском и языческом Юге дело обстояло иначе, поскольку тут традиционные институты либо не смогли пережить колонизацию, либо не успели кристаллизироваться. В то время как «фуланийская империя по африканским стандартам имела чрезвычайно развитые управленческие структуры», в южных регионах «статус традиционной власти был сильно подорван европейским влиянием еще в первый период британского проникновения» [Сурыпин 2013, с. 113–114]. В результате в юго-восточной части Нигерии непосредственное присутствие европейцев всегда оставалось более ощутимым, а косвенное управление не выглядело столь же натуральным, как в северных территориях. Попытки англичан сформировать новую страту «назначаемых вождей» и наделить последних функциями, отсутствовавшими у традиционных правителей – например, возложить на них взимание налогов с населения, – не встречали понимания подданных и отторгались ими.

Все сказанное оборачивалось весьма неоднозначными последствиями. С одной стороны, к моменту предоставления независимости северяне располагали более солидным потенциалом социального действия и политической мобилизации – народные массы Севера были более управляемыми; с другой стороны, большая подверженность южан европейским влияниям и, в частности, наличие среди них множества христиан позволяли им в приоритетном порядке занимать те места в управленческих структурах, которые отводились колонизаторами для чернокожих. Как отмечают специалисты, «с 1890-х гг. умение читать и писать по-английски стало краеугольным камнем для выстраивания карьеры типичным представителем местного среднего класса» [Falola, Heaton 2008, p. 127]. Однако если на Юге перепись 1921 г. зафиксировала наличие 32 тысяч граждан, получивших европейское образование, а количество действующих школ составляло 2200, то на Севере в тот же период практически не было ни того, ни другого. В более поздние времена этот перепад самым роковым образом сказался на таком важнейшем государственном институте, как вооруженные силы: англичане, стремясь поддержать опекаемый ими Север экономически, широко привлекали на армейскую службу местных мусульман, но при этом в офицерском корпусе складывалась мощная прослойка из более образованных христиан. Именно в силу сказанного «к провозглашению независимости вооруженные силы республики были укомплектованы в основном северянами, но возглавлялись по большей части южанами – в особенности игбо из Восточного региона» [Falola, Heaton 2008, p. 166]. Этот фактор в полной мере дал знать о себе в эпоху нигерийских военных переворотов 1960–1980-х гг.

Перепады, обособлявшие Север и Юг друг от друга, сохранялись и в сфере организации самого колониального владычества. Нигерийская конституция 1922 г. – так называемая «конституция Клиффорда» (каждой нигерийской конституции колониальной поры присваивалось имя британского губернатора, в правление которого она принималась) – расширила местную легислатуру до 46 членов, десять из которых были избираемыми. Важно подчеркнуть, что в число избираемых депутатов попали не только белые: три чернокожих депутата направлялись в законодательный совет мужским населением Лагоса, а еще один депутат – мужским населением Калабара. Для британской Африки это был первый случай выборного присутствия местных жителей в колониальной легислатуре [Falola, Heaton 2008, p. 134]. Более того, отныне этот орган мог заниматься ограниченным законотворчеством, принимая нормативные акты, действующие на территории бывшей колонии Лагос и южных провинций. Северные провинции, однако, продолжали

напрямую управляться британским губернатором, опиравшимся на традиционные элиты. В 1939 г. колониальная администрация сделала еще один шаг, обернувшийся самыми серьезными последствиями в будущем: оставив нигерийский Север в неприкосновенности, Лондон разделил нигерийский Юг на две части – восточную и западную. Эта нарезка была закреплена в следующем Основном законе колониальной поры – в «конституции Ричардса», принятой в 1946 г. С формальной точки зрения федерализм в этом акте пока отсутствовал, хотя первые его ростки уже появились. Помимо того, что законодательный совет во главе с генерал-губернатором был превращен в общенациональный орган, а представительство коренных жителей в нем было расширено – на их долю теперь приходилось более половины мандатов, – в колонии учреждались отдельные региональные легислатуры для Севера, Востока и Запада. Этим институциям вменялось в обязанность заниматься – правда, под надзором британских чиновников, – вопросами местного значения. Хотя нигерийские историки склонны критиковать это новшество, указывая на то, что тогдашние областные парламенты «не имели практически никаких полномочий» [Natufe 2015, p. 100], оно объективно способствовало становлению политической субъектности нигерийских регионов. Исходя из сказанного, вполне можно поддержать экспертное мнение, согласно которому «само понятие “регионального”, закрепленное в “конституции Ричардса”, послужило фундаментом для последующего выстраивания в Нигерии федеральной системы управления» [Adeniran 2020, p. 257].

Процесс был продолжен в 1951 г., когда в результате внесения поправок в «конституцию Ричардса» на свет появилась «конституция Макферсона»: согласно обновленному Основному закону колонии, три региона получали возможность делегировать своих представителей в два новых органа: Совет министров в составе восемнадцати членов (двенадцать из них были нигерийцами) и Палату представителей в составе 142 депутатов (136 из которых были нигерийцами). Квоты регионов и в исполнительном, и в законодательном органе были равными, а отбор кандидатов поручался региональным легислатурам. Кроме того, эти легислатуры могли и законодательствовать в некоторых вопросах регионального значения – правда, с губернаторского одобрения. Народившиеся на рубеже 1940-х и 1950-х гг. местные политические партии по большей части критиковали Конституцию 1951 г. – в основном из-за того, что ее разрабатывали и совершенствовали без привлечения нигерийских специалистов; такая критика, однако, в ретроспективе кажется не совсем добросовестной, поскольку, во-первых, Нигерия того времени почти не имела собственных юридических

кадров, а, во-вторых, обе версии «конституции Ричардса» – и 1946 и 1951 гг., – внесли неоспоримый вклад в приучение нигерийских элит к федеративному устройству. Благодаря именно этой «конституционной гимнастике» к середине 1950-х гг. будущие лидеры независимой Нигерии, несмотря на свою племенную, языковую, территориальную и религиозную разнородность, в большинстве своем воспринимали федерализм в качестве единственного базиса, способного обеспечить жизнеспособность их страны после ухода англичан. Кроме того, Конституция 1951 г. впервые санкционировала проведение в колониальной Нигерии всеобщих выборов.

Главные проблемы, дебатировавшиеся в политическом и научном сообществе на протяжении десятилетия, которое предшествовало независимости, касались того, сколько составных частей должно быть в будущем суверенном государстве и по какому принципу их нарезать [Egwin 2020, pp. 19–31]. Собственно, все разнообразие мнений сводилось к двум базовым позициям: согласно первой за основу выстраиваемой федеративной конструкции предлагалось взять те самые три региона – Север, Восток и Запад, – которые и без того уже использовались в качестве административных единиц; согласно второй количество сегментов федерации следовало существенно увеличить, наделив политической субъектностью максимальное число местных этнических и лингвистических групп. Региональные политики и региональные партии – а иных в тогдашней Нигерии, собственно, и не было, – высказывались на этот счет по-разному.

С одной стороны, мусульманский Север поддерживал трехчленную схему, но при этом настаивал на том, чтобы все законопроекты, рассматриваемые федеральным парламентом, предварительно обсуждались в региональных легислатурах. «Проект английского губернатора отвечал настроениям политиков Северного региона, проявлявших готовность скорее поддержать план слабого конфедеративного договора с Югом, нечто вроде нигерийского общего рынка, чем прочный союз с обширными полномочиями федерального правительства – из опасения, что места в административном аппарате столицы и регионов, в том числе и самого Севера, заполнят более квалифицированные, образованные и мобильные южане» [Каменская 1998, с. 82]. Лидеры северяян, в том числе и будущий премьер-министр Балева, высказывали опасения по поводу того, что степень готовности регионов к федеративным порядкам слишком разная и что подгонять отстающих – имелись в виду именно северяне, консервативные и патриархальные – не стоит. Их можно было понять: местные политики «четко осознавали, что не имеющий выхода к морю Север вынужден сотрудничать с йоруба и

игбо с Запада и Востока, но согласиться с централизованной управленческой системой они не могли» [Kendle 1997, p. 145]. С другой стороны, христианизированный Запад пропагандировал подход, который условно можно назвать «вильсоновским»: он предполагал федеративное деление, призванное самым всесторонним образом учесть этническое и лингвистическое разнообразие страны. Как писал в 1947 г. Обафеми Аволово, один из политических лидеров йоруба, «в условиях подлинного федерализма к малым и большим группам следует относиться одинаково, несмотря на их численность. Каждая из них заслуживает автономии в решении своих внутренних вопросов и у каждой должен быть собственный региональный парламент» [Natufe 2015, p. 102]. Что же касается Востока, то позиция доминировавших там элит игбо предполагала, по крайней мере поначалу, высокоцентрализованный федерализм – который, спустя десятилетия, и взял верх.

Тем не менее главным «держателем акций» во всей этой истории оставалось британское министерство по делам колоний: именно его позиция в конечном итоге оказалась определяющей. Выстраивая свою линию, Лондон исходил из трех постулатов: во-первых, многоуровневая гетерогенность Нигерии предписывает ей федеральную форму правления; во-вторых, наделение политической субъектностью не только «большой тройки», а всех нигерийских групп повлечет за собой фрагментацию политики и дестабилизацию экономики; наконец, в-третьих, необходимо уважать желание Севера самостоятельно вершить собственные дела, избегая избыточно централизованного федерализма [Kendle 1997, pp. 145–146]. Последнее не было пустым опасением: в 1950 г. Северный регион уже угрожал покинуть федерацию, если ему не гарантируют равную с Югом норму политического представительства.

В 1954 г. с одобрения британского парламента была принята первая конституция, провозглашавшая колонию федерацией («конституция Литтлтона»). В ее состав входили три упоминаемые выше региона и федеральный округ Лагос. Законодательную власть в федеративном государстве осуществляла однопалатная легислатура, состоявшая из 184 депутатов, 92 из которых представляли Север, 42 – Восток и Запад, шесть – Британский Камерун, административно подчиненный Нигерии, и два – столичный федеральный округ. Федеральные министерства комплектовались лидером победившей на общенациональных выборах партии, а еще четыре министра делегировались законодательными собраниями каждого из трех регионов, а также Британского Камеруна. В то время как федеральный центр оставлял за собой внешнюю политику, оборону и безопасность, регионы отвечали за начальное и среднее

образование, сельское хозяйство, здравоохранение и местное самоуправление. Предполагалась также сфера совместной компетенции, включавшая регулирование экономического развития, рынка труда, высшей школы. Правовая система и публичная служба были регионализированы. Иначе говоря, этот этап вполне можно назвать классикой федералистского жанра; единственным отступлением от общепринятого на тот момент стандарта было то, что площадкой территориально-административного переустройства становилась не очередная колония, основанная белыми поселенцами, а самая что ни на есть черная колония. В целом же нигерийский случай представлял собой «федерацию через разукрупнение» (*federation by disaggregation*) [Adeniran 2020, p. 258].

В принципе врожденные пороки нигерийского федерализма, сполна проявившиеся после выхода страны из-под колониальной опеки, начали обнаруживаться уже в 1955–1960 гг., по мере того как три федерирующихся региона понемногу приспособлялись к новообретенному статусу самоуправляющихся территорий. К моменту провозглашения полной независимости от Великобритании, которое состоялось 1 октября 1960 г., уже было очевидно, что каждый из регионов, «остававшихся почти полностью самостоятельными социально-политическими единицами» [Dikshit 1975, p. 211], контролируется одной из трех основных этнических групп, в тот момент в совокупности составлявших две трети населения страны: хауса-фулани (Север, 29%), игбо (Восток, 18%) или йоруба (Запад, 21%). По оценкам этнографов, в Нигерии проживают около 250 лингвистических групп, причем к провозглашению независимости более 65% населения составляли три вышеупомянутых крупнейших этноса, а шесть следующих за ними крупных групп давали в совокупности еще 25%. Не исключено, что как раз этим и диктовался замысел британских творцов федерации, стремившихся сузить поле потенциальных конфликтов, казавшихся неизбежными в столь пестрой среде. Но они не предвидели (или не захотели предвидеть), что каждая группа, опираясь на свое региональное господство, включится в жесткую борьбу за федеральный центр, попутно подавляя в подконтрольных региональных парламентах политическое представительство меньшинств, не входящих в «большую тройку» [Diamond 1988].

Для Африки такие конфликты были типичным заболеванием, обычно сопровождавшим развитие новых государств, которые населены более или менее равновеликими меньшинствами, хотя нигерийский случай усугублялся крайней разобщенностью составных частей новорожденной федерации. Лондон же привычно рассматривал различные сегменты своего владения в качестве

самостоятельных колоний, и «вплоть до 1946 г. нигерийцы, проживавшие в двух частях страны, почти не имели административных или политических контактов друг с другом» [Paden 2005, p. 37]. Именно в этом состояла главная причина, заставлявшая мусульманский Север Нигерии с большим подозрением относиться к идее независимости, которую с определенного момента пропагандировала Великобритания, после Второй мировой войны пытавшаяся поскорее избавиться от колониальных обременений.

Указывая на описанную выше ситуацию, некоторые местные ученые утверждают, что населяющие британскую Нигерию пестрые группы только выиграли бы в том случае, если бы местные политические активисты в 1960 г. отвергли проект единого государства и пошли своими самостоятельными путями. «Изумляет и удручает то, как нигерийские лидеры с Востока, Запада и Севера, осуждая слияние 1914 г. как “фарс”, “обман” или “ошибку”, одновременно всеми силами пытались этот беспорядок легитимировать», – пишет Игхо Натufe [Natufe 2015, p. 106]. С его точки зрения, нигерийцам следовало бы взять за образец чернокожих жителей Северной и Южной Родезии, а также Ньясаленда, в начале 1960-х гг. отвергших навязанный колонизаторами федеративный союз и выбравших независимость: нигерийские элиты «допустили фатальный просчет, не позволив исправить допущенную в 1914 г. ошибку, когда для этого представилась подходящая возможность» [Natufe 2015, p. 106]. Если учесть все те метаморфозы, которые были пережиты нигерийской федерацией в дальнейшем, подобные заявления покажутся небезосновательными.

В процессе конструирования колониальной федерации в Нигерии метрополия нарушила несколько базовых правил, призванных сопровождать создание государств подобного типа. Во-первых, совпадение этнических ареалов с территориальными границами превращало федерацию в арену нескончаемой политической войны за обладание федеральным центром с его деньгами и властью. Во-вторых, в этом противостоянии заведомо и всегда выигрывала лишь одна сторона – нигерийский Север, превосходивший взятые в совокупности Восток и Запад как по численности населения, так и по территории. В-третьих, от федеративного торга с участием трех доминирующих групп были полностью отстранены малые этнолингвистические группы, в совокупности весьма многочисленные. В-четвертых, сочетание этнофедерализма с партийной системой вестминстерского типа предполагало функционирование только тех партий, которые имели выраженный этнический профиль и не отстаивали общенациональные интересы. Наконец, в-пятых, неспособность федерального центра, «взятого в плен» одним из трех

доминирующих акторов, выполнять функции беспристрастного арбитра, провоцировала обращение оттесненных от власти акторов к неконвенциональным – насильственным – способам политического действия, включая путч и сецессию. Обобщая, можно сказать, что именно изъяны конституционного дизайна обрекли Нигерию сначала на крушение Первой республики и кровопролитную гражданскую войну, затем на десятилетия военных диктатур, а потом, причем вплоть до сегодняшнего дня, на нескончаемое пребывание в категории failed states – государственных образований, не способных контролировать всю свою территорию и выполнять базовые социальные функции [Hill 2012]. В настоящее время, по мнению специалистов, «нигерийское правительство, неимоверно раздутое, утратившее всякое доверие и погрязшее в бюрократии, выказывает полнейшую неспособность заниматься проблемами страны и, фактически, бросает подавляющее большинство нигерийцев на произвол судьбы» [Campbell, Page 2018, p. 11]. Причем есть все основания утверждать, что инициаторы британских административно-территориальных экспериментов первой половины XX столетия несут изрядную долю ответственности за это.

Литература

- Аволово 1968 – *Аволово О.* Размышления о нигерийской Конституции. М.: Наука, 1968. 175 с.
- История Нигерии 1981 – *История Нигерии в новое и новейшее время* / Под ред. Ю.И. Зотова, И.В. Следзевского. М.: Главная редакция восточной литературы, 1981. 368 с.
- Каменская 1998 – *Каменская Г.В.* Федерализм: мифология и политическая практика: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М.: Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН, 1998. 45 с.
- Сурыпин 2013 – *Сурыпин С.* Эволюция косвенного управления в Юго-Восточной Нигерии: система «назначенных вождей» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4 (51). С. 112–116.
- Adeniran 2020 – *Adeniran O.* Nigeria (Federal Republic of Nigeria) // The Forum of Federations handbook of federal countries 2020. Ed. by A. Griffiths, R. Chattopadhyay, J. Light, C. Stieren. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020.
- Babalola 2019 – *Babalola D.* The political economy of federalism in Nigeria. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 188 p.
- Campbell, Page 2018 – *Campbell J., Page M.* Nigeria. What everyone needs to know. Oxford: Oxford University Press, 2018. 240 p.
- Diamond 1988 – *Diamond L.* Class, ethnicity and democracy in Nigeria. The failure of the First Republic. Houndmills: The Macmillan Press, 1988. 392 p.

- Dikshit 1975 – *Dikshit R.D.* The political geography of federalism. An inquiry into origins and stability. New Delhi: The Macmillan Company of India, 1975. 273 p.
- Egwim 2020 – *Egwim A.I.* The dynamics of federalism in Nigeria. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 142 p.
- Falola, Heaton 2008 – *Falola T., Heaton M.* A history of Nigeria. N.Y.: Cambridge University Press, 2008. 370 p.
- Ferguson 2004 – *Ferguson N.* Empire. How Britain made the modern world. L.: Penguin Books, 2004. 422 p.
- Hill 2012 – *Hill J.N.C.* Nigeria since independence. Forever fragile? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 173 p.
- Johnston 1967 – *Johnston H.A.S.* The Fulani empire of Sokoto. L.; Ibadan; Nairobi: Oxford University Press, 1967. 312 p.
- Kalu 2008 – *Kalu K.N.* State power, autarchy and political conquest in Nigerian federalism. Lanham, MD: Lexington Books, 2008. 330 p.
- Kendle 1997 – *Kendle J.* Federal Britain. A history. L.; N.Y.: Routledge, 1997. 224 p.
- Natufe 2015 – *Natufe I.* The amalgamation of Nigeria and the quest for a nation // Федерализм в Африке: проблемы и перспективы = Federalism in Africa. Problems and perspectives / Ed. by I. Natufe, H. Turyinskaya. M.: Institute of Africa, Russian Academy of Sciences, 2015. С. 95–129.
- Osadolor 2018 – *Osadolor O.B.* The national question in historical perspective // The national question in Nigeria. Comparative perspective / Ed. by A. Momoh, S. Adajumobi. L.; N.Y.: Routledge, 2018. P. 31–48.
- Paden 2005 – *Paden J.* Muslim civic cultures and conflict resolution. The challenge of democratic federalism in Nigeria. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2005. XIII, 303 p.

References

- Adeniran, O. (2020), “Nigeria (Federal Republic of Nigeria)”, in Griffiths, A., Chat-topadhyay, R., Light, J., Stieren, C. (eds.), *The Forum of Federations handbook of federal countries*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.
- Awolowo, O. (1968), *Razmyshleniya o nigeriiskoi Konstitutsii* [Reflections on Nigerian Constitution], Nauka, Moscow, USSR.
- Babalola, D. (2019), *The political economy of federalism in Nigeria*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.
- Campbell, J., and Page, M. (2018), *Nigeria. What everyone needs to know*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Diamond, L. (1988), *Class, ethnicity and democracy in Nigeria. The failure of the First Republic*, The Macmillan Press, Houndmills, UK.
- Dikshit, R.D. (1975), *The political geography of federalism. An inquiry into origins and stability*, The Macmillan Company of India, New Delhi, India.
- Egwim, A.I. (2020), *The dynamics of federalism in Nigeria*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

- Falola, T., and Heaton, M. (2008), *A history of Nigeria*, Cambridge University Press, New York, USA.
- Ferguson, N. (2004), *Empire. How Britain made the modern world*, Penguin Books, London, UK.
- Hill, J.N.C. (2012), *Nigeria since independence. Forever fragile?* Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
- Johnston, H.A.S. (1967), *The Fulani empire of Sokoto*, Oxford University Press, London, UK, Ibadan, Nigeria, Nairobi, Kenya.
- Kalu, K.N. (2008), *State power, autarchy and political conquest in Nigerian federalism*, Lexington Books, Lanham, MD, USA.
- Kamenskaya, G.V. (1998), *Federalism: mifologiya i politicheskaya praktika: Avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [Federalism. Mythology and political practice. Abstract of D. Sc. Dissertation (Political science)], Institut mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii Rossiiskoi Akademii Nauk, Moscow, Russia.
- Kendle, J. (1997), *Federal Britain. A history*, Routledge, London, UK, New York, USA.
- Natufe, I. (2015), "The amalgamation of Nigeria and the quest for a nation", in Natufe, I. and Turyinskaya, H. (eds.), *Federalism in Africa. Issues and perspectives*, Institute of Africa, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 95–129.
- Osadolor, O.B. (2018), "The national question in historical perspective", in Momoh, A. and Adejumbi, S. (eds.), *The national question in Nigeria. Comparative perspective*, Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 31–48.
- Paden, J. (2005), *Muslim civic cultures and conflict resolution. The challenge of democratic federalism in Nigeria*, The Brookings Institution, Washington, D.C., USA.
- Suryapin, S. (2013), "Evolution of indirect rule in South-East Nigeria. The system of nominated chiefs", *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, vol. 51, no. 4, pp. 112–116.
- Zotov, Yu.I. and Sledzevskii I.V. (eds.) (1981), *Istoriya Nigerii v novoe i noveishee vremya* [History of Nigeria in modern and recent times], Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Андрей А. Захаров, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zakharov.aa@rggu.ru

Information about the author

Andrei A. Zakharov, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zakharov.aa@rggu.ru